

Крах идеологии

Здесь излагается еще не опубликованная публичная лекция о крахе советской идеологии. Делается это в форме диалога двух персонажей книги.

В поисках великой идеи

— У нас явно пытаются создать систему власти, подобную советской. Как вы думаете, удастся это?

— Без идеологии вряд ли.

— Ее уже ищут. Вся думающая Россия ищет.

— Ищет, но найдет ли? Наши правители представляют себе дело так. Теоретики должны нахмурить лоб и открыть Идею. Сообщить ее высшему руководству. Последнее от своего имени выступит с ней перед всем народом. Услышав Идею, народ единодушно проникнется ею и начнет вести себя так, как призывают правители. Немедленно начнется стремительное возрождение России. Потекут рапорты об успехах. Начальству — слава, почести, награды. Мир потрясен. Россия во главе всей Евразии, а то и всего человечества... Главное — открыть эту

проклятую Великую Идею! Чего мыслители мешкают?! Российский интеллектуальный рынок завален предложениями? Это все не то! Нужно что-то такое, чтобы начальство и весь народ сразу затрепетали. При этом никому не приходит в голову мысль, что Великая Идея была давно открыта, больше ста лет владела умами миллионов людей, на семьдесят лет избавила русских от правдоискательства и была единодушно выброшена на свалку истории.

— И теперь мы так же единодушно ищем для нее наш национальный эрзац! Как вы думаете, найдем? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала выяснить, почему и как мы отреклись от марксизма.

— Это принципиально важно?

— Конечно. Посудите сами! Без марксизма у нас не возник бы коммунистический социальный строй.

— Кое-кто считает, что мог бы.

— Не будем гадать с «бы». Есть социальные законы и объективные условия. Социальный строй по определению понятий вообще создается в результате сознательно-волевой деятельности определенной части человеческого объединения. А люди, взявшие власть в нашей стране после революции 1917 года, были марксистами. Революция проходила под лозунгами марксистов. И строилось новое общество с этими лозунгами. Это исторический факт. Марксизм стал основой советской государственной идеологии. И наконец, засилье марксизма стало одной из причин кризиса и краха советского коммунизма. Так что просто отбросить марксизм, как это делают сейчас, — значит на много лет назад отбросить понимание социальных явлений вообще и современных в особенности.

— Но ведь марксизм, как вы сами утверждали, не наука, а идеология!

— Верно! Но он вырос на основе каких-то научных знаний. И сам имел научные амбиции и вкрапления. К тому же марксизм — не просто идеология, а великая идеология, включавшая в сферу своего внимания все значительные социальные явления XIX—XX веков.

Два аспекта марксизма

— В марксизме надо различать два аспекта: 1) претензию на науку и попытки научного подхода к социальным явлениям; 2) идеологию, рассчитанную на широкие массы, на влияние на эти массы, на возбуждение их на значительные действия (на преобразование социального строя). Идеологический аспект оказался сильнее, подчинил себе аспект научный, так что в целом получился идеологический феномен.

— В целом. Хотя какие-то фрагменты выходили за рамки идеологии.

— Да. Кроме того, идеология не вздор. И марксизм — идеология особого рода. Идеология эпохальная, владевшая умами миллионов людей больше столетия и до сих пор еще владеет в той или иной форме, в основном — неявно. И по содержанию марксизм сложился так, что на пути к научному пониманию всех фундаментальных проблем бытия, включая социальные, вам придется так или иначе иметь дело с марксистским решением этих проблем. Если хотите выработать научное решение этих проблем, марксизм надо преодолеть путем серьезной критики и предложения лучшего решения, а не путем отбрасывания. Отбрасывание само отбросит вас далеко назад даже по сравнению с марксизмом. И вам придется опять барахтаться в трясине идеологии. Западной идеологии, которая еще более далека от науки, чем марксизм. Так и происходит сейчас с российскими мыслителями. Они воображают, будто свободны в своем словотворчестве. А фактически барахтаются в трясине дилетантизма, невежества, бесконтрольного и ненаказуемого словоблудия, отбросов западной идеологии.

— Но ведь научный и идеологический аспекты марксизма не противоречат друг другу?

— Как раз наоборот. Тут заключено коренное противоречие марксизма. В своем научном устремлении марксизм ориентировался на экономику как на базис общества и на стихийный (естественно-исторический) процесс эволюции, происходящий по объективным законам независимо от воли и сознания людей. В своем же идеологическом устремлении марк-

сизм ориентировался на проектируемый и управляемый аспект эволюции и на активную сознательно-волевою деятельность людей — на захват власти и использование ее для сознательных преобразований общества.

— Но марксисты полагали, что субъективная деятельность тут будет соответствовать объективной закономерности!

— Это они так думали. Но на деле получилось другое. На деле теория, претендующая на научность, была подогнана под потребности субъективных намерений. В результате теория оказалась не научной, а идеологической. Научный аспект оказался по его содержанию (по понятиям и утверждениям) идеологическим. Объективные социальные законы были выдуманы так, чтобы они «подтверждали» субъективные намерения. То, что в них было научного, было отобрано и обработано так, что научность испарилась.

Идеологическое учение и механизм

— Что такое идеология?

— Обычно, говоря об идеологии, имеют в виду лишь идеи, учения и т.п. Но это — лишь один компонент более сложного социального феномена, а именно идеологической сферы общества. Другой компонент — идеологический механизм, то есть совокупность людей, организаций и учреждений, профессионально занятых идеологической обработкой сознания людей, разработкой идеологических учений, охраной их, вдалбливанием их в головы людей. Без этого механизма идеологические учения ничто. Согласно марксизму, идеи, овладевая массами, становятся материальной силой. Это верно. Но чтобы идеи овладели массами, нужны люди, которые их вносят в массы и вбивают в головы людей, — нужен идеологический механизм. Идеи христианства давно были бы забыты, если бы не церковь. Идеологические учения суть лишь средства, с помощью которых идеологический механизм выполняет свою функцию в обществе — такую обработку сознания людей, чтобы члены общества могли ориентироваться в окружающей среде и сохранять общество своей жизнедеятельностью, а также манипулирование (управление) людьми путем воздействия на их сознание.

— С религиозной идеологией такой механизм очевиден: церковь. В Советском Союзе он был тоже очевиден и обнажен — явная часть партийного аппарата и партийных организаций, всякие просветительские и пропагандистские организации и т.д. А на Западе?

— В дореволюционной России была государственная религия и церковь. В Советском Союзе их заменили нерелигиозная государственная идеология (марксизм) и единый государственный идеологический механизм. Это — пример монистической идеологической сферы. В западных странах идеологическая сфера плюралистическая. Она мощнее советской и сложнее по структуре.

Наука и идеология

— Вы считаете, что идеология не наука, что и марксизм не был и не является наукой. В чем их различие?

— В целях, в средствах создания и использования, в отношении к реальности и т.д. Цель науки — познание реальности, цель идеологии — формирование менталитета людей и управление ими. Результаты науки формулируются в особом профессиональном языке, удовлетворяющем критериям логики и методологии науки. Для усвоения их нужна длительная профессиональная подготовка. Они либо истинны (доказуемы или подтверждаются реальностью), либо ложны (опровергаются) и т.д. Идеология предназначена для всех, не требуется узкопрофессиональное образование для ее усвоения. Терминология и утверждения идеологии не отвечают критериям логики. Они не истинны и не ложны сами по себе, без дополнительных толкований. Они характеризуются не понятиями истинности и ложности, а степенью эффективности воздействия на людей и степенью адекватности состоянию сознания людей в конкретных условиях их жизни.

— Неужели в марксизме нет ничего научного?!

— Конечно, марксистских текстов написаны миллионы страниц. И в них можно отыскать много отдельных утверждений, взятых из науки и выглядящих как научные. Но мы должны

взять это явление в целом и подвергнуть исследованию его фундаментальные понятия и утверждения, а также итоговые утверждения, предназначенные для сознания реальных людей и их деятельности.

— Согласен. Возьмем несколько примеров для ясности. Возьмем хотя бы исходные понятия марксистской философии — понятия материи и сознания, исходное утверждение о первичности материи и вторичности сознания. Что в них ненаучного?!

— Понятия материи и сознания считаются предельно общими. А если это так, они должны совпадать по объему, то есть по множеству обозначаемых ими объектов. Это означает, что они обозначают одно и то же, то есть что материя и сознание суть одно и то же. А если они не одно и то же, они не совпадают по объему. Это означает, что понятия материи и сознания не являются предельно общими. Можно ввести более общее по отношению к ним понятие.

— Но это же мелочи!

— Для идеологии — мелочи, для науки — основа. А как понимается сознание? Как особая идеальная, нематериальная субстанция. Во-первых, слово «субстанция» фактически употребляется как более общее, чем «материя» и «сознание». Во-вторых, чем, по сути дела, это отличается от религиозного понимания нематериального духа?!

— Сознание есть свойство материи. И заключается оно в отражении материального. Оно вторично.

— Тут столько логических несуразностей, что нужен целый том, чтобы это показать. Есть определенная логическая техника построения понятий и оперирования ими. Марксисты полностью игнорируют ее. Сказать о сознании, что оно есть идеальное отражение материи — значит сказать нечто невразумительное. Это не ложно и не истинно. Это идеологическая бессмыслица, которую люди легко запоминают, но не понимают с научной точки зрения. А что такое материя?

— Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях.

— По правилам логики слово «материя» есть определяемое понятие, а выражение «объективная реальность, данная нам в ощущениях» — определяющая часть. Смысл понятий определяющей части должен быть известен до определения. Значит, понятия «объективная реальность» и «ощущения» логически более фундаментальные, чем «материя». Так?

— Так.

— Теперь вспомните, как появилось это определение? Ленин критиковал субъективных идеалистов, исходивших из ощущений. А что делает сам? Определяет материю через ощущения. О чем это говорит?

— О том, что классики марксизма были логически безграмотны и пороли чушь.

— Верно. Вспомните теперь марксистский ответ на «основной вопрос философии»: материя первична, сознание вторично; сознание есть отражение материи; противопоставление сознания и материи имеет смысл лишь в рамках «основного вопроса» философии. Запомните это! Обратимся к марксистскому «материалистическому пониманию истории». Оно рассматривается как распространение общего философского материализма на человеческое общество. Если строго придерживаться именно философского материализма, то самое большее, что должно было дать его распространение на сферу человеческой истории, — это рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности, существующей вне сознания теоретиков и независимо от него, и рассмотрение сочинений этих теоретиков как отражения этой реальности. Но такой «материалистический» подход был обычным делом почти для всех, кто думал на темы истории и человеческого общества. Это было всеобщей банальностью. Марксизм сделал нечто большее, чем признание этой банальности: он явления самой человеческой истории разделил на материальные и идеальные, что ровным счетом ничего общего не имеет с философским материализмом.

— Я не замечал эту несуразность.

— Никто не замечал. Или не хотели замечать. В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа про-

изводства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все надстройки, включая государственные учреждения. При этом игнорируется начисто тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства «идеальных» явлений не меньше, чем в надстроечных.

— Ясно. Ни о какой логике тут и речи быть не может.

— А это и есть один из признаков того, что марксистская концепция есть идеологическое явление, а не научное. Она лишь наукообразна. Возьмем теперь итоговые утверждения марксизма, предназначенные для действий! Вспомним учение об отношении базиса и надстроек. Экономика — базис. Государство, право и идеология — надстройки. Меняется базис, и как следствие меняются надстройки и т.д. Эти «истины» оскомину набили. Вспомните лозунг диктатуры пролетариата! Вспомните идеи отмирания государства и денег, ликвидации классов и т.п.! Государство в советском обществе не отмерло, а усилилось. Деньги остались как необходимое средство организации экономики. Возникли новые социальные категории вместо помещиков и капиталистов. Социальное и экономическое неравенство не исчезло, а лишь изменило формы. Пролетариат оказался сокращающимся классом, никакой его диктатуры не получилось. И отношение между экономикой и государством в советском обществе оказалось противоположным тому, о чем говорилось в марксизме. И западный капитализм не рухнул. Одним словом, марксизм в его «сверхнаучных» выводах оказался неадекватным реальности. И советским марксистам приходилось лезть из кожи, чтобы как-то примирить марксизм с советской реальностью.

Марксизм как государственная идеология

— Почему марксизм стал государственной идеологией Советского Союза?

— Новое общество, которое стало формироваться в Советском Союзе, по самой своей сущности нуждалось в единой орга-

низующей идеологии. Без нее оно не могло сложиться вообще. Православие для этого не годилось. Оно было отброшено вместе с царизмом. Нужна была новая великая идеология. А откуда было ее взять? Заново изобрести? На это не было времени и сил. К тому же великая идеология имеет свои законы. На создание ее нужны время и благоприятные условия. Новая идеология могла появиться только из наличного материала. И он был под рукой: это марксизм. В нем содержалось то, что требовалось условиями послереволюционной России и целями тех, кто совершил революцию и начал строить новую социальную организацию.

— Можно считать, что тут имела место историческая случайность?

— Слово «случайность» неоднозначно. Если случайностью считать то, что не вытекает из абстрактных законов социальной эволюции, то тут имела место случайность. А если иметь в виду конкретную историческую обусловленность, то это не было случайностью. Вспомните, более полувека сотни (если не тысячи) российских революционеров и мыслящих людей формировались как марксисты. Именно марксисты внесли в революционное движение в России лозунги ликвидации частной собственности на средства производства, ликвидации классов помещиков и капиталистов, диктатуры пролетариата и т.д. Революционеры, руководствовавшиеся марксистскими лозунгами, взяли власть и осуществили социалистическую революцию. Они мобилизовали массы на осуществление этих лозунгов. Что-то получилось, что-то нет. То, что получилось, сыграло решающую роль и вышло на первый план. Это было записано в пользу марксизма.

— Если бы не было марксизма и если бы революционеры не прошли школу марксизма, то русская революция не переросла бы в социалистическую и российский коммунистический (социалистический) социальный строй не возник бы?

— Думаю, что так. После революции, когда возникла потребность в идейном воспитании масс, марксизм имелся в готовом виде, был известен, был (как казалось) проверен на практике. И на первых порах он сыграл огромную организующую и просветительскую роль. Быстро сложился аппарат идеологов из марксистски воспитанных и образованных людей. И марксизм стал их профессией и социальной функцией.

— Он сохранялся этим аппаратом и навязывался им обществу!

— Да. Подобно тому как христианство сохранялось и навязывалось людям церковной организацией. Марксизм давал армии идеологов удобную терминологию, множество подходящих фраз, общие идеи, способ приспособления этих идей к потребностям общества, знак принадлежности к касте посвященных в некие премудрости, готовность служить власти и неплохо обеспечивать себя жизненными благами. Марксизм сохранялся и работал как идеология благодаря этому идеологическому механизму, созданному новой системой власти и поддерживаемому ею. Он стал насильственно насаждаться массам населения, как это было ранее с православием. Причем в марксистских текстах было сказано так много всяческих фраз, что идеологи могли приспособлять его к любым ситуациям, выбирая нужные слова и давая им подходящие интерпретации. Подготовка таких профессиональных идеологов оказалась легким делом. Самые посредственные болтуны быстро приобретали видимость и статус мыслителей. И этого было достаточно.

— И в таком состоянии марксизм мог держаться и далее?

— Он, конечно, как-то модифицировался, применяясь к реальным переменам в стране и в мире. Но основы его сохранялись. Он в этом состоянии мог жить сколько угодно. Но при том условии, что должны были сохраняться советская система власти и идеологический механизм.

— А что давал он массам населения?

— Каким бы он ни был, он свою функцию в советском обществе выполнял до поры до времени удовлетворительно. Он привносил в массы организующее начало, цели, систему ценностей. Он учил людей определенной ориентации в окружающем мире.

Крах марксизма

— Почему он так быстро рухнул после 1985 года?

— Во-первых, он не сразу рухнул. Тут имела место длительная эволюция. Она прошла несколько этапов. Первый этап —

классический марксизм (Маркс, Энгельс). С ним были знакомы немногие русские марксисты, бывавшие на Западе. Второй этап — проникновение марксизма в Россию в форме ленинизма. Тут марксизм приспособился к новой эпохе. Произошло его текстуальное упрощение. Третий этап — сталинизм. То, что известно как ленинизм, было фактически приспособлением его к советским условиям. Правильнее называть это сталинизмом. Произошло предельное упрощение его с расчетом на многомиллионные массы — вульгаризация марксизма. Четвертый этап — постсталинское время. Мы поговорим о нем дальше. И последний этап — разрушение советской системы власти и идеологического механизма. Марксизм, ослабленный и дискредитированный в послесталинский период, был просто отменен в качестве государственной идеологии, и его в этой роли некому было защищать. А идеи сами себя защищать не могут.

— Это во-первых. А во-вторых?

— Во-вторых, крах марксизма был подготовлен всей послевоенной (послесталинской) эволюцией страны. Я не буду рассматривать то, что происходило с марксизмом на Западе. Это, конечно, оказало влияние на положение с марксизмом у нас. Но главными тут были внутренние факторы. Назову некоторые из них (из числа главных). Прежде всего происходило нарастание неадекватности марксистского учения той реальности, которая формировалась. Реальный коммунизм превращал в бессмыслицы и в объект насмешек многие положения марксизма, которые идеология раздувала и которые были всем известны с детства. Идеологическая картина советского общества стала восприниматься людьми как вопиющая ложь, как жульническая маскировка неприглядной реальности. Деморализующий эффект от этого оказался сильным не потому, что люди осознали недостатки реального коммунизма (они стали привычными), а потому, что реальность не оправдала обещания идеологов и руководителей страны.

— К этому добавилась официальная критика сталинизма.

— В хрущевские годы и первые годы брежневского правления началась всесторонняя критика сталинизма во всех слоях советского общества. Эта критика постепенно переросла в кри-

тику советского коммунистического строя вообще. Крайним проявлением этой эпидемии явились диссидентское движение, «самиздат» и «тамиздат». Критике подверглась и сталинская «вульгаризация» идеологии, которая постепенно переросла в пренебрежительное отношение к идеологии вообще. Даже в кругах самих идеологов и партийных деятелей, занятых в идеологии, стали стыдиться апеллировать к идеологии и ссылаться на нее. В область идеологии устремились толпы всякого рода «теоретиков», то есть неудачников, графоманов и карьеристов из различных наук, которые буквально заполнили идеологию модными идейками и словечками. И все это делалось под соусом творческого развития марксизма. Причем сами эти творцы в своих узких кругах издевались над развиваемым ими марксизмом. Они воображали, будто делают духовную революцию, лишь в силу необходимости прикрываясь интересами марксизма. На самом деле они ничего другого, кроме безудержного словоблудия, производить не могли. Однако они наносили ущерб идеологии, имея за это награды и похвалы.

— Какую роль в крахе марксизма в России сыграл Запад?

— Наконец, фактор Запада. В Советском Союзе прилагались титанические усилия к тому, чтобы выработать у советских людей иммунитет по отношению к влиянию Запада.

— Оно считалось тлетворным.

— Оно и было таким на самом деле. Ведь шла идеологическая война. Война нового типа. Запад обрушил на советское общество мощнейший поток информации (скорее, дезинформации) о жизни на Западе, западной культуры (скорее, массовой псевдокультуры), идеологии, пропаганды западного образа жизни и критики образа жизни советского. И надо сказать, что он нашел тут благоприятную ситуацию. Советский идеологический аппарат оказался не в состоянии ему противостоять. Никакие усилия советской контрпропаганды и карательных органов (в том числе глушение западных радиостанций и аресты) не могли остановить это наступление Запада на души советских людей. Последние, в особенности образованные и привилегированные слои, испытали такое влияние Запада, какого до сих пор не знала не только советская, но и досоветская русская

история. Оказалось, что советские люди не имели защитного иммунитета против такого влияния.

— Запад стал для нас величайшим соблазном.

— Западная антисоветская пропаганда и сами советские люди, клюнувшие на нее, игнорировали различие конкретных условий Запада и Советского Союза, сравнивали их жизненный уровень просто по схеме: у них так (хорошо), а у нас — так (хуже). И на вопрос «почему?» ответ видели там, куда указывали с Запада: виноват коммунистический (советский) социальный строй. Сбросьте коммунизм и установите западный строй, и у вас будет так же хорошо, как на Западе.

— А как было на самом деле на реальном Западе, нам не объясняли.

— Советским людям на Западе показывали магазины, курорты, свободу передвижения и т.п. А об основах западного образа жизни — ни слова правды. Склонность к критическому отношению ко всему своему и зависть ко всему чужому, а также ненаказуемость бесчисленных поступков советских людей, наносивших ущерб советскому обществу, довершили комплекс причин, сделавших идеологический и морально-психологический кризис советского общества неотвратимым. И, как я уже сказал, контрреволюция после 1985 года довершила этот процесс, лишив марксизм статуса государственной идеологии. И марксизм просто стушевался. Его всерьез никто не защищал.

Марксизм и крах коммунизма

— Способствовал ли марксизм в какой-то мере краху советского коммунизма?

— Конечно. Он помешал научному пониманию советского и западного общества, а также происходивших в мире перемен. В той мере, в какой советское руководство считалось с ним, оно совершало грубые ошибки. Марксизм занизил интеллектуальный уровень руководства, дезориентировал его. Сама идея материального изобилия при коммунизме и распределения материальных благ по потребностям оказалась самоубийственной для реального коммунизма, сместив систему ценностей из духовной сферы в материальную.

Будущее марксизма

— Сейчас много говорят о необходимости идеологии. Возможно ли возрождение марксизма?

— Повторяю, сохранять марксизм можно было как угодно долго, если бы сохранялись власть, для которой он был бы идеологией, и идеологический механизм, использующий и культивирующий его. Сами марксистские тексты таковы, что любые идеи можно было погрузить в них и истолковать их как дальнейшее творческое развитие марксизма. Но раз он рухнул, то восстановить его без этого в той же роли невозможно. Для этого нет должных условий. Есть мелкие группки и даже партии, сохраняющие верность марксизму. Но они мизерные. Их интеллектуальный уровень низок. Серьезных сил, связывающих себя с марксизмом, нет, и вряд ли они появятся. Плюс антимарксистская пропаганда. Отрицательный опыт прошлого. Предательство КПСС. За счет марксизма сейчас никто не прокормится — он не оплачивается. С другой стороны, по своему содержанию он стал анахронизмом — неадекватным состоянию России и современным процессам в мире. В западном мире нет серьезных сил, для которых он стал бы знаменем. Он стал неконкурентоспособным в борьбе за «души» людей.

Будущее идеологии

— Возможно ли в наше время вообще изобрести какую-то новую идеологию большого масштаба, сопоставимую с марксизмом?

— Самая высокая и дерзкая претензия, на какую способен человек, — это создание великой идеологии, сопоставимой с великими мировыми религиями. Такой была претензия мыслителей эпохи Просвещения. Такой была претензия марксизма. Построить учение более высокого интеллектуального уровня, более научное и более адекватное современной реальности, чем марксизм, возможно. Но для великой идеологии — это лишь одно из условий. Нужны еще другие условия, которых нет. Так что в обозримом будущем великая идеология, о которой вы говорите, вряд ли возможна.

— Почему?

— Что такое идеология?

— Совокупность идей.

— А что такое идея?

— Утверждение или совокупность утверждений, коротко говоря, выраженная в языке мысль.

— Не любая мысль есть идея, а лишь мысль, обладающая определенными свойствами. Это — мысль, влияющая на поведение людей, побуждающая их на определенные поступки или удерживающая их от определенных поступков. Чтобы выполнить эту роль, она должна быть построена по определенным правилам. Идеология есть совокупность идей, влияющих на поведение людей. Она создается по особым правилам. И должен быть особый механизм навязывания ее людям и поддержания ее действенной силы. Великая идеология имеет сферой действия большие массы и объединения людей и предполагает достаточно большой механизм (то есть особых людей и их организацию) ее жизнедеятельности. Необходимы определенные условия, чтобы такой феномен возник и сохранялся длительное время. Такие условия существуют не всегда.

— Как обстоит дело в этом отношении в нашу эпоху?

— В нашу эпоху возникли средства и способы формирования сознания людей и манипулирования ими путем воздействия на их сознание гораздо более мощные, чем идеологические, — неидеологические, антиидеологические и сверхидеологические. Наступила эпоха сверхидеологии. Идеи, из которых формируются целостные идеологии, не исключаются. Они вырабатываются и сохраняются как компоненты сверхидеологии наряду с другими средствами. Возникли также средства разрушения нежелательных идеологий и манипулирования ими.

— Что это за средства?

— На уровне науки они изучены очень мало или не изучены совсем. Более того, в какой-то мере изучение их есть табу. Но приглядитесь внимательнее к СМИ, к разделам современной науки, о которых говорится в СМИ, к литературе, музыке, кино и вообще ко всему тому, что сейчас влияет на формирование сознания и поведение людей! Думаю, что вы сами догадаетесь, о чем я говорю.

— Как вы с этой точки зрения рассматриваете положение в России?

— Происходит пока хаотический процесс формирования сверхидеологической менталитетной сферы, включающей формы религиозной идеологии, остатки советской идеологии, реанимацию идеологических явлений прошлого, сектантство всякого сорта, бесчисленные проекты спасения России и т.д. Но время единой великой идеологии прошло.

Ноябрь 2000 г.